



Наталья Владимировна Резанова
Ветер и меч
Серия «Мирина-Воительница», книга 2

*<http://www.fenzin.org> Скан Sarina
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137790
Ветер и меч: «ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир»; М.; 2004
ISBN 5-94850-322-4*

Аннотация

«Рассказчица историй» и «Ветер и меч» – повествования о невероятных похождениях девы-воительницы Мирины, рассказанные ею самой. После падения Трои она во главе небольшого отряда амазонок ведет войны на море и на суше: с пиратами, атлантами, Горгонами... Она пробует создать свое справедливое государство, где не будет места ни религиозной, ни социальной дискриминации. И всегда и везде Мирина пытается постичь души окружающих, разгадать их мысли и чаяния...

Содержание

ПРЕДЫСТОРИЯ	4
СОЛНЦЕ СОЖЖЕТ ЗМЕЮ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наталья РЕЗАНОВА

ВЕТЕР И МЕЧ

*Головой твоей
Ваших выше я,
Не бывавшая,
И не бывшая.*
Борис Пастернак

ПРЕДЫСТОРИЯ

Рапсод давно умолк, и корабль уносил меня обратно на Керне. А я почему-то возвращалась мыслями к его песням. Убийство Ахилла, убийство Пентезилеи, убийство Париса. Да, и мое. Ну, пусть он все перепутал, но почему он не завершил повествования? Почему не воспел победу ахейцев и поражение троянцев? Вряд ли ужасающая резня, устроенная ахейцами в захваченном городе, резня, отзвуки которой донеслись до наших берегов, внушала ему отвращение. И то, что победа в конечном счете оказалась для ахейцев хуже всякого поражения – мысль для песни слишком сложная.

Может быть, дело в том, что победы не так уж сильно вдохновляют рапсодов? Нет, я понимаю – на пирах у царей и князей рапсод обязан воспеть их победы. Святое дело. Иначе уйдет без награды, и хорошо, если живой. Но если он поет для обычных людей... Не чувствует ли певец, что им про победу – скучно? Даже если слушатели искренне верят, будто желают благополучного завершения пес ни, привлекают их в ней события страшные и жестокие.

И здесь я вспомнила Фракию, и храм Гарпалики в Медвежьем Броде. То есть сначала мы почтили Бендиду в подземном храме у Гебра (не впечатляющая речка, после того, как повидаешь Танаис и Дануб, но у фракийцев именно она считается священной). И услышали, что славу этого древнего святилища перенял храм Гарпалики, которому едва ли больше полусотни лет, и там совершаются кровавые жертвы. По пути в Трою мы посетили этот храм, и я захотела услышать, как получилось, что новое божество восприняло древние обряды. И вот история о том, что я узнала.

– Он с рождения посвятил дочь подземным богам, чтобы они сделали ее неуязвимой в бою. А потому, как мать ее умерла родами, Гарпалик велел вскармливать ее вместо молока кровью диких кобылиц...

Они сидели на самом краю скалистого обрыва, головокружительно нависшего над горной дорогой. Но они не знали головокружения, эти люди в козьих и свиных шкурах, тощие, жилистые и косматые. Их томило ожидание, а не высота. И они пытались развлечь себя уже набившими оскомину историями.

Один человек держался в стороне. Даже если бы он скинул роговой доспех и перевязь с бронзовым мечом, то все равно бы отличался от людей в шкурах – был выше их ростом, мощнее и шире в плечах, со светлыми волосами и бородой. Он напряженно вглядывался в багровый отблеск за ближним лесом. Лес покрывал все кругом, как плотная звериная шкура, лишь кое-где, словно кости, прорывающие шкуру, выпирали скалы. Но не это зрелище привлекало человека с мечом.

Он, как и козьи пастухи у обрыва, ждал. До него доносились обрывки из разговоров. Сам он слышал их уже много лет – и про кровь диких кобылиц, и про посвящение, и про то, что Гарпалика носит змеиное клеймо, которое но младенчестве выжгла ей жрица под-

земного святилища у Гебра. Даже в царской крепости многие верили в это, а здесь, в лесах на западной границе Фракии, верили безусловно. Л правда была в том, что царь Гарпалик, про которого говорили, будто сердце у него поросло волчьей шерстью, любил на свете одно только существо – свою единственную дочь, и хотел для нее власти – так, как он ее понимал.

Гарпалик! Сидевший в стороне скрипнул в ярости зубами. Он даже мысленно не мог произнести этого имени. И не он один. Но всеобщая ненависть к бывшему царю не распространилась на его дочь. Вряд ли она могла унаследовать царскую власть – законы племени запрещали это. Память о владычестве женщин еще жила и была проклята навеки.

А может, Гарпалик о том не думал, а просто знал, что он неминуемо состарится и будет нуждаться в защите и опоре. Во всяком случае, одного он добился. Войско по праву почитало царскую дочь. Не было меча вернее, не было души отважнее на службе царя Фракии. Во всех сражениях она находилась по правую руку от отца. О, как они воевали тогда! Даже у тех, кто всей душой ненавидел Гарпалика, сердце билось в священной ярости, что, как смерч, вечно окружала его. Но если бы эту священную ярость, с которой царь бился со скифами и сарматами, он пореже употреблял против собственных подданных...

Однако даже тогда, когда мечи собственных воинов обернулись против своего царя, дочери его ничто не угрожало. Но она предпочла разделить судьбу отца и бежать вместе с ним. И тогда ее не осудили. Отца следует почитать, каким бы он ни был.

Иное дело – жители здешних краев. Для них опальный царь и его дочь – всего лишь чужаки, разбойники и грабители, нападавшие на их деревни, разорявшие дома и угонявшие скот, опасные, как хищные звери. Да они и были такими. Но вскоре пастухам повезло. Им удалось захватить старика спящим в лесу. Видно, годы взяли свое, и он лишился обычной осторожности. Дочери тогда с ним не оказалось. Она перегоняла угнанный табун через перевал. Разрубленное тело бывшего царя по кускам было разослано в знак торжества по всем окрестным селам. Но торжество продолжалось недолго. Передавали, будто Гарпалика сказала (когда сказала, кому?), что все здешние восплачут кровавыми слезами от ее мести.

И восплакали же! Гарпалика, которая раньше никого не убивала без нужды, превратилась в ужас округи, и ужас усугублялся тем, что никто из живых не видел ее вблизи. А кто видел, того в живых уже не было.

И отправили посланцев к царю с просьбой избавить людей от этой напасти. Но нынешний царь Гемос оказался перед затруднительной задачей. Воодушевление, сопутствующее свержению Гарпалики, успело уже повыветриться, и войско начало роптать. И нелегко было найти человека, согласного расправиться с Гарпаликой, среди тех, кто бился с ней рядом во многих походах. Все же такой нашелся. Против самой Гарпалики он, как водится, ничего не имел. За – тоже. В свое время по приказу ее отца был перебит весь род Мелампа. И он не простил. Пусть Гарпалика ни в чем не виновна – она дочь своего отца и должна умереть.

Но и Гемос, и Меламп понимали, что уничтожить Гарпалику в открытом бою почти невозможно. За время своей отверженности она лишь изощрилась в своем воинском умении. Что ж, если травля, то травля. И решение, принятое ими, пастухи одобрили с восторгом, который вряд ли разделили бы воины царской дружины.

Сеть из бронзовой проволоки, утяжеленная свинцом – не для поединка. Это оружие из царской сокровищницы для крупного зверя.

Много дней пастухи по приказу Мелампа выслеживали Гарпалику. Он жалел, что нельзя вывезти из крепости свирепых молосских псов-человекоубийц. Но, в конце концов, им удалось вывести ее излюбленное место – рощу Бендида, от которой вела только одна дорога. И рощу загонщики подпалили и на дороге устроили завал, и сеть, тускло поблескивая, лежала на краю обрыва.

Ярб, староста селения Медвежий Брод, чьи стада особенно пострадали от налетов Гарпа-лики, и потому особенно озлобленный против нее, потрогал грузила и ослабил, показав корешки черных зубов.

– А если не сразу убить?

Меламп холодно посмотрел на него. Гарпалика должна умереть, но, несмотря на это, она оставалась царской дочерью, и ее неподобно отдавать на поругание мужикам.

– Сказано – убить.

Внезапно один из пастухов, обладавший особенно острым слухом, предостерегающе поднял руку. Все разговоры разом смолкли. Внизу слышался глухой стук копыт, неуклонно приближающийся к охотникам. Все глаза устремились на дорогу. Наконец, что-то показалось.

В ночи было трудно что-либо различить ясно – лишь очертания коня и всадника, да белое пятно волос. Но кто это мог быть, кроме нее? Затем стук копыт внезапно смолк – Гарпалика увидела завал. Она могла бы развернуться, могла бы спешиться, могла бы попытаться перескочить препятствие, но для всего этого требовалась мгновенная заминка, и эта заминка решила дело.

По знаку Мелампа, брошенная уверенной рукой, тяжелая сеть полетела вниз, окутывая Жертву. Послышалось безумное конское ржание, и Меламп закричал:

– Стреляйте, бейте, бейте! Она может разрубить сеть!

Град камней, дротиков, стрел обрушился с обрыва, с уступов, из-за завала. Сквозь свист и грохот слышался яростный крик. Потом стих.

Люди, спускаясь по тропинкам, начали медленно приближаться к поверженным телам, человеческому и конскому. Те, кто посмелее, окружили трупы кольцом.

– Она что-то кричала...

– Кричала, что будет мстить... Мстить и после смерти, – оглядываясь кругом, проговорил один.

– Она была посвящена подземным богам, – тихо сказал кто-то у него за спиной.

Меламп раздвинул толпу.

– Уберите сеть, – приказал он.

Пастухи не слишком усердно принялись очищать сеть от камней.

Меламп склонился над кровавым месивом, бывшим недавно телом царской дочери. Странно, правая рука, продолжавшая сжимать меч, осталась неповрежденной. На запястье Меламп узнал браслет из янтаря – единственное украшение, которое всегда носила Гарпалика. Браслет достался ей от матери, родом откуда-то из северных краев.

Подошедший Ярб попытался вырвать меч из мертвой руки, но пальцы застыли на рукояти. Тогда Ярб вытащил свой нож с широким лезвием и принялся рубить руку.

Меламп возмутился:

– Как ты смеешь?

– Мне нужен этот меч! У нас почти нет бронзы, только дубинки и каменные ножи! А я должен защищать свое селение!

– А царь должен получить доказательство ее смерти! Он узнает меч... хотя... – Меламп помедлил – Хорошо. Отдай мне браслет. И пусть твои люди сложат погребальный костер.

– Я бы бросил эту падаль воронам... Бери свои желтые камешки. – Ярб освободил окровавленный обрубок от всего, что его отягощало, и швырнул на землю.

Меламп задумчиво сжал браслет в кулаке. Это мужичье не знает цены солнечному камню, между тем финикийские купцы платят за него золотом... Вероятно, он даже сможет получить в обмен настоящий железный меч, который дороже золота... Пусть царь верит на слово.

Кисей, колесничий Мелампа, во время охоты находившийся при лошадях, складывал сеть, чтобы унести ее. Остальные, не желая особо утруждаться, разложили костер прямо на дороге, вытащив поленья из завала. Пламя, взметнувшееся на дороге, казалось отсветом догоравшей рощи Бендида. И ночная тьма стала багровой.

Пастухи толпились у костра, глядя, как горит изуродованный труп. Похоже, им доставляло злобную радость сознание, что прах Гарпалики, разбросанный по дороге, ежедневно будут топтать их стада. Тут же освежевали конскую тушу, не собираясь соблюдать обычай царского войска, предписывающий сжигать коня вместе с хозяином.

Внезапно раздался хриплый вопль. Меламп обернулся. Ярб, стоявший там, где он его оставил, падал на землю, хватаясь за грудь. Несколько человек кинулось к нему.

– Змея ужалила!

– Верно! Я сам видел, как змея скользнула меж камней...

Меламп приблизился. Черная, клочковатая борода Ярба была задрана к багровому небу, лицо его искажали конвульсии. Верно ли, что Гарпалика носила на теле змеиное клеймо? Теперь уже не узнать...

Ярб открыл глаза, прислушался.

– Не было змеи, – отчетливо, произнес он. – Так... удушье прихватило, – и он сделал попытку подняться.

Его подняли и повели прочь. Никто не заметил, как самый молодой из пастухов, именем Ферет, опасливо оглянувшись, подобрал обрубок мертвой руки, и, подбежав к костру, бросил его в огонь. Тем и закончилась ночь Гарпалики.

На следующее утро Меламп отправился назад. У него не было причин задерживаться в Медвежьем Броде. Кисей, опытный возница, легко находил путь среди дикого бездорожья, и, по прошествии двух дней им предстояло только пересечь Гебр, как Меламп заметил, что к нему направляются два всадника.

Он изготовился к бою, но те двое ехали открыто и ничем не выказывали враждебных намерений. По мере приближения он их узнал. Это были Бут и Дриоп, воины царской охраны. Они приветствовали его ритуальным жестом.

Ахейский обычай ездить на колесницах плохо прививался здесь, – предпочитали передвигаться верхом, подобно соседям-степнякам. Меламп и сам бы отправился верхом, если бы не сеть. На сложенную сеть они и смотрели.

– Ты был на травле? – спросил Бут.

– Верно.

– И удачна ли была охота?

– Да. Бендида оказалась благосклонна.

– Так где же твоя добыча? – вступил Дриоп.

Обычные вопросы, но что-то в них настораживало. Меламп оглянулся, ибо всадники остановились по обеим сторонам его колесницы.

– Я оставил ее в горах, – немного помедлив, ответил он.

– А если тебе не поверят? Чем ты докажешь, что охота была удачной, и добыча не ушла невредимой?

– Кто осмелится меня спрашивать? – резко откликнулся Меламп. – А если и так, свидетельство у меня найдется!

И внезапно на него снизошло откровение. Неслучайно они встретились и неслучайно задают вопросы. Гемос убрал Гарпалику его руками, а затем, дабы не вызвать недовольства в войске, послал этих двоих покарать его, убийцу!

Они, скалясь, смотрели на него.

Затем все решило одно мгновение. Бут, угадав намерение Мелампа, выбросил перед собой короткое копье, но в это время Кисей, ничего не понимая и не успев загородиться

щитом, выдвинулся вперед. И копье, не достав Мелампа, пронзило тело возничего. Бут же оказался на расстоянии вытянутой руки, и рука с мечом его достала, рубанув по горлу слева направо. Он запрокинулся в седле, и конь его, храпя, метнулся прочь. Так же метнулись в страхе кони, впряженные в колесницу.

Меламп едва успел перехватить поводья из рук Киссея, рухнувшего наземь, но остановить колесницу был уже не в силах. Кони, развернувшись, понесли обратно в лес.

Дриоп с проклятиями гнался следом, называя Мелампа трусом и рабом. Но тот вовсе не бежал поединка. Кони словно взбесились и мчались, не разбирая дороги. Колесница билась о деревья, Меламп явственно слышал треск ободьев и едва удерживался на ногах. Если бы поводья лопнули, он бы вылетел из колесницы.

Но произошло и вовсе неожиданное. При очередном сокрушительном ударе, когда полетело колесо, и повозка накренилась набок, сложенная сеть зацепилась за выступающий сук, развернулась во всю ширину и натянулась между деревом и колесницей. Мчавшийся следом Дриоп не успел замедлить скачки, конь его с разлета грудью врезался в бронзовую сеть, и, отброшенный назад, рухнул на спину вместе с седоком. Этот удар прикончил и колесницу, поскольку сеть поневоле стреножила лошадей. Меламп успел спрыгнуть наземь. С обнаженным мечом он бросился к придавленному телом коня Дриопу, однако последнего удара не понадобилось. У того была сломана шея. Меламп выпряг бьющихся среди обломков колесницы лошадей и лишь теперь позволил себе передохнуть.

Путь назад, на восток, ему заказан. Царь наверняка отдал приказ убить его, и недостатка в мстителях за Гарпалику не будет...

Нужно пробираться на запад или к морю... Ни за что не сознался бы он себе, что впервые в жизни боится. Как и все, Меламп не мог отделить себя от своего круга, от своего племени. Таков удел человека. Из всех людей только купцам, морякам и бродячим певцам позволено странствовать меж племенами, а Меламп не принадлежал ни к первым, ни ко вторым и ни к третьим. Лишь изгои могли жить так, как Гарпалик и его дочь – охотой, или разбоем.

В бешенстве Меламп ударил мечом по стволу дерева. Да! Он знает их судьбу. Но ничто на свете не устршит его.

Он решил ехать в западном направлении и на пути вновь остановиться в Медвежьем Броде.

По прошествии дня пути ему почудился дым отдаленного пожара, и дурное предчувствие, ничем не объяснимое, охватило его. И чем ближе он подъезжал к Медвежьему Броду, тем сильнее оно становилось.

А потом он увидел трупы на подступах к деревне. Их было не меньше дюжины, и они еще не успели остыть. Он спешился и приблизился, ведя обеих лошадей в поводу. Да, все верно. Стычка произошла совсем недавно – под палящим солнцем трупы разлагаются быстро.

Слепни облепили кровоточащие раны. Объяснение могло быть только одно – степные кочевники прорвались и сюда, хотя прежде так далеко не заходили. Но среди убитых ни одного кочевника. Лишь такие же худые и жилистые люди в козьих и свиных шкурах, что он видел в Медвежьем Броде. Может быть, те же самые – он не слишком в них вглядывался. А вот раны у них не были похожи на те, что оставляет оружие степняков.

Едва он успел отметить это, как в кустах послышался шорох, и Меламп сразу принял боевую стойку. Но это оказались пастухи во главе с Ярбом. Должно быть, они все время находились здесь и попрятались при его приближении.

– Ты вернулся! – хрипло выкрикнул Ярб.

В руках он держал знакомый Мелампу меч, клинок которого успел потускнеть. – Ты вернулся! Ты нам нужен...

– Кто это? – Меламп кивнул в сторону убитых.

– Люди Сатре из Тамира. Они ежечасно могут напасть на нас, и мы постоянно держим оборону. Говорю тебе, ты нам нужен! – Ярба явно не беспокоило, с чего вдруг Меламп вернулся назад. Он по-прежнему видел в нем царского посланца и ждал помощи. Меламп взял меч у него из руки и воткнул в землю, чтобы очистить лезвие. Он не терпел дурного обращения с оружием. Тамир – ближайшее из крупных поселений. Однако за время пребывания здесь Меламп не слышал, чтобы между ним и Медвежьим Бродом существовала вражда. Что ж, пусть так. Он усмехнулся. Стать вождем козьих пастухов – неужели это определено ему судьбой?

– Едем в деревню, – он перекинул поводья запасного коня Ярбу и снова вскочил на своего.

Не умеющий ездить верхом Ярб и все прочие потрусили следом.

Деревня встретила их воплями и женскими причитаниями. Виднелись следы набега, некоторые хижины разрушены. Все жители начали собираться на прокаленной солнцем, вытопанной площадке перед домом Ярда.

– Что у вас случилось? – спросил, спешившись, Меламп.

– Все из-за тебя! – глаза Ярба яростно сверкнули. – Из-за тебя! Ты велел поджечь рощу Бендиды, и пламя перекинулось на Тамир, и выжгло их селение. И теперь они винят нас во всех бедах и убивают наших, где ни застанут, и нападают на нас толпами!

– Что за дурь! Чистый случай, что ветер в ночь облавы дул в их сторону! Ведь так же могла выгореть и ваша деревня.

– Но они не хотят этого знать! Они точно взбесились, и нет нам покоя! И что теперь делать?

Жители деревни вновь загомонили, на все лады повторяя последние фразы, и один голос перекрыл все. Я видел ее!

Ферет протолкался вперед. Он страшно побледнел под грязью и загаром, кожа его обтянула скулы, нос заострился.

– Я видел ее! – вновь выкрикнул он. – Ее волосы – как солнце, а глаза – как небо! Она протянула ко мне руку, и кисть ее была отрублена, и из обрубка хлестала кровь! И она сказала: «Вы сожгли меня, и ветер разнес мой пепел по всему вашему краю, вы дышали им, и я вошла в вашу плоть и кровь, и теперь владею вами! А тебя, за то, что ты дал моей руке сгореть, как подобает, а не оставил ее гнить в траве, я избираю, чтобы ты объявил мою волю своими устами...»

– Свяжите этого щенка! – прервал его Ярб. – Свяжите и бросьте в свинной хлев!

Пастухи быстро скрутили и уволокли его. Вслед ему понесся женский визг. Это билась, метя космами пыль, Долола, жена Ярба. На ее губах выступила пена. На припадочную вылили бурдюк воды, и она утихла, продолжая что-то невнятно бормотать. Можно было разобрать только одно слово: «Гарпалика».

Ночью кто-то швырнул горящую головню в дом Ярба. Сухое дерево занялось споро. В суматохе пожара никто не заметил, как убежал Ферет.

И это было лишь начало странной болезни, поразившей лесной край. Люди находили чудовищное наслаждение в поджогах и часто не разбирали, предают ли огню дома соседей и чужих родов или свои собственные, и с тупым удовольствием наблюдали, как горит все их жалкое достояние. И все больше женщин каталось в судорогах с воплями, что в них вселился дух Гарпалики, и они видят змей, мелькающих в траве и десятками корчившихся среди пепла и золы. А мужчины все чаще впадали в беспричинную ярость, хватали ножи и топоры, мчались, не разбирая дороги, круша все и вея на своем пути. Иные собирались толпою в круг и полосовали себя ножами и острыми камнями, бессмысленно повторяя: «Возьми нашу кровь! Возьми нашу кровь!», пока не валились от слабости.

Стояла засуха, земля стала твердой, как камень, а небо сплошь затянуло дымом пожаров. И днем было темно, как ночью, и ветер вместо дождя приносил пепел.

И безумие не утихало, оно охватывало и не причастных к убийству Гарпалики. Те, кто не знали о нем, едва слышали об этом, немедленно впадали в помрачение духа. Так заразительна была болезнь. И все объединились в ней, не разделяясь на роды, семейства и селения. И все обвиняли Мелампа и Ярба, которые привели на землю ночь Гарпалики, и хотели их убить.

Но старая Сидеро из Тамира вспомнила о слепом провидце, удалившемся в горы так давно, что имя его забылось. И неизвестно, жив ли он. Однако, когда за ним послали, оказалось, что еще жив и беседует с небесными богами.

Все, кто был в силах, собрались на пожарище Тамира – израненные, в обгоревших лохмотьях. Женщины обрезают волосы и присыпали головы золой. На середину вытолкнули связанных Ярба и Мелампа, и стали ждать.

Двое сильных мужчин вывели под руки слепца. Шкуры, в которые он облакал свое ветхое тело, совсем вытерлись и облезли, борода опускалась до колен, бельма скрывали глаза. Все зарыдали и застонали, понося двух нечестивцев, виновников смерти и проклятия. Но старец поднял иссохшую руку. Его спутники успели ему все рассказать.

– Верно, – произнес он слабым, но ясным голосом. – Они виновны. Но виновны также и вы все. Вы подчинились Гарпалике, она сделалась вашим божеством. Так признайте ее богиней по праву! Постройте ей храм и почитайте ее! Приносите жертвы на ее алтарь, и когда она смиростивится над вами, жертвы перестанут быть кровавыми, и спокойствие вернется к вам.

В ту же ночь прошел сильный дождь, затушивший лесные пожары, в чем ясно выразилась воля небесных богов, подтвердивших слова провидца.

Из сосновых бревен и гранитных валунов воздвигли святилище. Позднее в нем встал идол – грубое деревянное подобие женщины, у ног его неизменно покоились бронзовый меч и браслет. Но первым делом в храме соорудили каменный алтарь с желобами по краям. И первая кровь, что стекла по этим желобам, принадлежала Ярбу и Мелампу. И тогда, по слову провидца, вновь вернулось спокойствие.

Так проходили годы и десятилетия, и когда мы пришли в Медвежий Брод, старый жрец Ферет рассказал нам историю храма, посетовав, что нынче многие совсем забыли ее, и верят, будто Гарпалика всегда была божеством, одним из воплощений Бендиды, великой богини-охотницы.

– Это так похоже на людей, – сказала я. – Превращать подобных себе в чудовищ, убивать эти чудовища, а после поклоняться им, как богам.

Жрец не понял меня. Признаться, я и сама не понимаю, почему я это вспомнила. Вероятно, потому, что в будущем мне предстояло посетить святилища, где обитали чудовища.

А может быть, и нет.

СОЛНЦЕ СОЖЖЕТ ЗМЕЮ

На материк меня доставил Келей. Он был недоволен тем, что называл «моей выходкой», и не скрывал этого.

– Ну, зачем тебя туда несет? – вопрошал он.

– Мне интересно.

– Достала ты меня со своим «интересно – неинтересно!» – орал он. – Изрубят тебя когда-нибудь в куски, не спрашивая, интересно тебе это или нет! Суший бред! Мы захватили город, и царство лежит на спине, как девка, предлагая – вот я, возьми меня! – он резко осекся, вспомнив, что не с мужчиной все же разговаривает.

Я коротко ответила:

Вот это мне и не нравится.

Келей дернул себя за бороду, выругался и отошел к гребцам. Я осталась у борта, глядя на приближавшуюся – возвращавшуюся ко мне – Землю Жары.

В этот раз Келей несколько изменил курс. Согласно сведениям, полученным мною от Ихи, других офицеров и кернийских рыбаков, мы высадились значительно южнее нашей первой стоянки. Здесь полоса пустыни, которую мне предстояло пересечь, была гораздо уже. А что до невозможности проникнуть к Змеиному Болоту... Я не сомневалась, что горюны постоянно наблюдают за побережьем, и намеренно не собираются скрываться. Как меня встретят – на том и будем строить свой расчет.

Перед высадкой Келей сделал еще одну попытку меня уговорить.

– Не верю я в эти твои разговоры. Наверняка у тебя на уме какая-то новая хитрость, которой ты не хочешь делиться. Ведь у тебя все неспроста! И пока что ты выигрывала, но, убей меня Богиня, когда-нибудь ты промахнешься...

– А ты этого ждешь?

– Нет! Но я этого опасуюсь! Что ты проиграешь не только власть, но и голову! А заменить тебя, как ни кинь, некому...

– Келей, – сказала я, – ты так низко себя ценишь, что считаешь, будто без меня ты пропадешь?

– Нет, конечно, – огрызнулся он. – Тогда зачем все эти разговоры?

И я не обернулась, когда прибрежный песок захрустел под моими сапогами. Я уходила пешком, без охраны, вооруженная лишь мечом. Одна – в руках Богини своей судьбы. Слишком долго в последнее время я занималась делами, не имеющими никакого отношения к Дике Адрастее. Хотя, конечно, как посмотреть...

Царскую секиру я передала Хтонии, которой предстояло управлять Керне в мое отсутствие. Разумеется, ни Хтония, ни другие из Боевого Совета не осудили моего ухода. И не стали его обсуждать. В отличие от Митилены, которая отнеслась к нему настороженно, и Ихет, явно бывшей против. И вот еще Келей. Ничего странного, что эти трое, столь различных и так не любивших друг друга, на сей раз сошлись. Чтобы понять меня, нужно пожить в Темискире.

Дул северный ветер, так споро примчавший «Змею» к берегам и задувавший в пустыню. Меня предупреждали, что путешествовать здесь предпочитают именно в эту пору. Когда ветер меняется, жара в пустыне становится невыносимой. Возможно, это правда. Пока что солнце не причиняло мне особого беспокойства. Я шла налегке, не обременяя себя ничем, кроме меча и фляги с водой, а жару я переносила без труда. Как змея.

За день мне не удалось пересечь полосу пустыни. Я спокойно провела ночь, не разводя огня – да его и не на чем было развести. Никто меня не тревожил. Я ничего не ела и не пыталась охотиться. Только шла без остановки. На следующий день я собиралась дос-тичь

леса, окружавшего, как мне говорили, подступы к Змеиному Болоту. Это было бы хорошо, потому что без еды я могу выдержать несколько дней, а вот без воды будет гораздо хуже.

Едва забрезжил рассвет, я снова двинулась в путь, и к тому времени, когда солнце поднялось высоко, успела пройти довольно много. Когда же я учуяла – прежде, чем увидела – какие-то перемены вокруг, на меня словно пахнуло сыростью, и это было странно, потому что ветер по-прежнему дул мне в спину. Пахло прелой землей, зеленью, каким-то дурманом...

Еще один короткий переход – и передо мной вместо очередного бархана открылась широкая низина, дальних границ которой я не видела, потому что она густо поросла лесом.

Я стала спускаться вниз, и когда ветви сомкнулись над моей головой, поняла, что это мне не нравится. Нет, это не было врожденное недоверие к лесам уроженки степей. У нас на полуострове не одни лишь голые степи, как принято думать, а Фракия – та почти сплошь заросла лесами. И всегда я чувствовала себя там так же свободно, как на открытом пространстве.

Что-то здесь было другое. Что-то неправильное... Дурное по своей сути. Как в трупке, брошенном без погребения. Я укорила себя за подобное сравнение. Виной всему, думала я, духота и сырость. Лучше уж пустыня, чем влажная жара. Да, здесь пахнет гнилью, но лес-то в чем виноват?

В жадных чашках соцветий, в бесстыжей мясистости листьев, в злых, выедающих глаза своей окраской гроздьях плодов, которых мне не хотелось бы есть, даже если бы я умирала от голода – во всем таилась скверна. При всей своей пышности, яркости и даже буйстве этот лес казался неживым.

Да, пышно украшенный мертвец – мне рассказывали о таком обычае в Черной Земле. Но люди – всего лишь люди, сбившиеся с Пути, они могут делать с собой что угодно. А подобное надругательство над лесом... Нет, даже само надругательство...

Довольно, сказала я себе, это земля Богини и ее служительниц, и если Она такое допускает, значит, я не сумела чего-то понять. Может быть, потому, что лес этот сохранился от великой древности, как и сами Горгоны, исчезнувшие из круга обитаемых стран, кроме этой. А я еще слишком молода и смотрю на окружающее из бойниц своего незнания. Ты пришла сюда познавать – так познавай! Голод понемногу начинал сказываться. И все равно, я не съела ни плода, ни гриба в этом лесу. На пути мне встретился заросший ряской водоем (я не стала из него пить, по счастью, во фляге еще оставалась вода), в котором водилась рыба. Я поймала одну руками – по моему разумению, она не была ядовитой. Тогда я съела ее сырой. Мне казалось, что если я разожгу костер в этом лесу, это тоже будет неправильно. Так я подкрепляла свои силы и снова продолжала путь.

И еще день ушел у меня на переход по лесу.

Направление я могла определить только по солнцу. Все указания, которые я могла почерпнуть из кернийских легенд, оказались смутны и отрывочны, а лес порой вставал передо мной стеной. Деревья были оплетены лианами, мощной бахромчатой плесенью, пространство между ними забивал колючий кустарник, а сверху свисали колючие растения, похожие на щупальца.

Я ни разу не вынула меча чтобы разрубить эту стену. Я искала в ней бреши, находила их и проскальзывала туда. Во-первых, мой меч не для того предназначен. Во-вторых, по той же причине, что не разводила костра. Я положила не причинять ущерб этому лесу. Не потому, что считала его живым. С тем, что живо, я, слава Богине, знала, как обращаться. Вот рыбу – она ведь была живой – убила и съела. А с лесом я не хотела связываться именно потому, что он был неживой.

Что же до прочего... Ни разу в жизни не случилось, чтобы я где-нибудь заблудилась. Врожденный дар Богини, должно быть. Куда меня ни кинь, я всегда выбираюсь на нужное

место. Благодарить за это нужно Богиню, а не себя, но я не боялась заплутать в лесу. Даже в этом лесу.

Гораздо меньше мне хотелось здесь ночевать – я предпочла бы еще одну ночевку в пустыне. От пустыни, по крайней мере, знаешь, чего ждать. Но выбирать не приходилось, а я не была настолько самонадеянна, чтобы идти по лесу ночью.

Я обследовала поляну, где собиралась заночевать, чтобы убедиться, что растения на ней ни кровопийцы, ни душители, ни просто ядовитые, наконец. И все равно спала вполглаза. Мне еще не встречались хищники в этом лесу и даже их следы. Но это не значило, что их здесь нет вовсе. И снова меня никто не потревожил.

Утром, недалеко от места Своего ночлега, я нашла родник, совершенно чистый. Вероятно, это был знак, что я на верном пути. Или просто подарок Богини.

Но вскоре я вышла на вполне заметную тропу. Вот тебе и «невозможно добраться!» Здесь ходили, хотя, очевидно, не строем и не каждый день. И я зашагала по тропе.

Постепенно становилось все более сыро и душно. Под ногами хлюпало, и я невольно подумала о пустыне, оставшейся всего лишь в дне пути отсюда. Словно эта низина отбирала у побережья все соки, высасывала всю кровь. А в целом – болото как болото. Атланты в своих тяжелых колесницах и в латах, конечно, здесь бы, застряли. Но одиночке пройти можно.

Я передвигалась осторожно, отмечая взглядом возможные бочаги и трясины, ступая по следам тех, кто прошел здесь до меня.

Затем почва стала вроде бы плотнее, а жиденькая тропинка, которой я следовала, соединилась с другой... А потом еще с одной. Я выходила к населенным местам, и, следовательно, требовалось удвоить внимание. Звери к лесу и пустыне меня не тронули, но от людей я не могла ожидать того же.

Дорога – если ее можно было назвать таковой – кончалась у двух огромных столбов, врытых в землю. На них, на толстых веревках, сплетенных из древесных волокон, был закреплен длинный висячий мост не слишком надежного вида. Как мне показалось, над рекой. Но по мере приближения стало ясно, что это не река, а ров, широкий и глубокий, и на дне его перекачивается совсем не вода.

Такое зрелище, наверное, может представиться тем бесноватым прорицательницам, что объедаются мухоморами. Ров заполняло бесчисленное количество змей, так что отдельные тела различались с трудом. И вся эта масса, извиваясь, содрагаясь и шипя, живым кольцом охватывала рукотворный остров среди болота. На той стороне высились два таких же опорных столба – более ничего. Все терялось в мрачно-зеленой растительности. Я не сомневалась, что из этих зарослей за мной наблюдают.

Я взглянула на кишаших во рву змей. Змеи священны и принадлежат Богине. Это признают даже дикие ахейцы. Почти в каждом храме, посвященном Ей, имеется змея, либо змеи. Но никогда я не видела их сразу в таком количестве. Словно их разводили тут сотни лет... Тысячелетия!

А ведь, пожалуй, это правда. Видимо, так было всегда, во всех древних храмах, которые уже исчезли с лица Земли... Очевидно, я это узнаю.

Ступив на шаткую поверхность моста, я улыбнулась. Перил у моста не имелось, даже самых жалких, и человек, не обученный сохранять равновесие и не закалявший постоянно волю, если уж решался пройти по этим танцующим дощечкам над мириадами клубящихся гадов, добирался до противоположной стороны, обливаясь потом и с колотящимся сердцем. Хорошая защита... И способ проникнуться силой Богини... Хотя в этом было что-то не то...

Но просто так ступить на противоположную сторону мне не дали. Не зря я чувствовала, что за мной наблюдают. Едва я приблизилась к той стороне, они вышли из зарослей.

Их оказалось пятеро, и вооружены они были каменными Топорами. Я прикинула, смогу ли справиться с ними, и, оценив все возможности, решила, что вероятность есть.

Слишком уж неуклюжими и неповоротливыми они казались. Я еще подумала – ну и здоровенные здесь женщины! Все – выше меня, а я ведь не маленькая, и рука у каждой толще моей ноги. Они были в долгополой просторной одежде, наверное, хорошо спасающей от солнца, но неудобной для драки. Масок, в отличие от горгоны, встреченной нами в пустыне, они не носили. И лица, не прикрытые жуткими личинами, были равнодушными, сонными и тупыми. Неужели лицо той горгоны под личиной точно такое же? Я не могла в это поверить. Кто ты? – спросила одна из них неприятным высоким голосом на древнем языке.

Я вспомнила, как называла меня горгона, и ответила:

– Служанка Богини.

– Что... ты... хочешь?

Слова древнего языка она произносила с трудом. Когда я сказала: «Посетить Храм», она, похоже, не поняла, и снова, повизгивая, повторила:

– Что ты хочешь?

– Поклониться Богине, – ответила я, не повышая голоса.

До меня постепенно доходило, что стражница не просто не понимает меня – она и себя не понимает. Ее обучили произносить несколько слов на древнем языке, не объясняя их значения, и узнавать звучание некоторых других. Во всяком случае, мой второй ответ она, видимо, сочла верным, молча развернулась и пошла обратно.

Остальные расступились, пропуская меня, и так, окруженная конвоем, я ступила на землю храмового острова. На оружие мое никто не покушался, так что стража меня не особенно беспокоила.

Я шла за предводительницей конвоя, и при виде ее мощного зада, ворочавшегося при ходьбе, и здоровенных пяток, меня осенило – это не женщина вовсе! Среди здешних стражей вообще нет женщин. Это... как их... евнухи.

Само слово я выучила недавно – им Келей ругался на побережье. Но когда я спросила его про значение, оказалось, что знаю об этом.

Я таких видела в Трое. Там они в основном прислуживали на женской половине царской цитадели, но были и в некоторых храмах. Это те, кто родились мужчинами, но лишены мужского естества. Очень мне тогда тот обычай не понравился, но троянские традиции мне вообще не пришлись по нраву, и подобная глупость к общему впечатлению ничего не прибавляла.

А то, что я встретила евнухов здесь, на земле Богини...

Ну, пусть сюда не допускаются мужчины. Неужели для охраны храма не нашлось женщин? Пусть эти сильны, как волы, но кто же использует волов там, где нужны сторожевые собаки? Но я опять велела себе – я пришла, не знаю здешних обычаев, и пока не узнаю – не судить, не судить никого!

Я вскинула голову, надеясь разглядеть очертания храма, но не увидела ничего подобного.

Тут евнухи разом повернулись в мою сторону, и я приготовилась к тому, что придется немного подраться. Но они просто расступились в стороны, явно желая, чтобы я прошла вперед. Я прошла, совершенно уверенная, что, если какая из этих туш пожелает ударить в спину, я услышу.

И, сделав несколько шагов вперед, я разглядела, наконец, то, что, очевидно, являлось входом в храм. Просто дыра в черной земле. Такое тоже было мне знакомо – хотя бы в святилище у Гебра.

Я, не колеблясь, стала спускаться вниз. На наклонной плоскости обнаружились ступени. В темноте я не могла определить, каменные они или глиняные, обожженные до прочности камня. Вскоре ступени кончились, и я оказалась на ровном полу. Мне все еще ничего не было видно, и я остановилась, чтобы глаза привыкли к темноте. Однако я чувствовала,

что нахожусь в помещении довольно больших, возможно, огромных размеров, но с низким сводом.

Потом впереди взметнулся язык огня, мгновенно и высоко. Это было прекрасно и устрашающе, но проклятая расчетливость уже сообщала – огонь бросили на специально приготовленное топливо, вероятно, пропитанное «кровью земли» или еще каким-нибудь составом. Отсюда высота и цвет пламени.

Огненный язык высветил пространство, и я поняла, что не обманулась.

Я находилась в просторном зале, его стены терялись во мраке. Потолок подпирали мощные, грубые каменные колонны, в расположении которых не наблюдалось никакой системы. Так же в непонятном мне или в отсутствующем порядке на полу громоздились валуны странной формы либо высокие глиняные горшки.

А передо мной, освещенные со спины, стояли горгоны.

Их было трое. Они были и в длинных свободных одеяниях и в масках, в полумраке принявших еще более чудовищные очертания, чем у той, что явилась нам при свете дня.

Змеи, окружавшие маски, казались живыми. Очертания тел под складками говорили, что на сей раз это настоящие женщины, не евнухи. Я легко догадалась, что одна из них – грузная старуха, вторая – зрелая женщина, а третья – совсем молода. Каждая – воплощение одного из ликов Богини, это вполне обычно.

А вот что оказалось необычным и удивило меня – ни одна из них не носила знахарского камня, хотя у всех были ожерелья из костей. А ведь во всех святилищах, где Богиню почитают как Трехликую Луну – здесь, похоже, было именно так – жрицы знахарский камень носят непременно. Впрочем, возможно, силы их так велики, что они не нуждаются в камне?

– Мы давно ждали тебя, – сказала старшая.

Странно прозвучал язык, столь древний, что, наверное, раздавался еще тогда, когда не поднялись камни Темискиры.

– Было предсказано, что с севера придет служанка Богини и сожжет огнем ложных идолов, и тех, кто им поклоняется.

Звучало хорошо. Только я знала, что большинство пророчеств сочиняется задним числом. Хотя... Предрекли же горгоны затмение Солнца.

– Не стану лгать, священные сестры. Все это получилось нечаянно. Случай выбросил мой корабль у ваших берегов, и я понятия не имела ни об атлантах, ни об острове Керне.

– Не произноси подобных имен в храме! – воскликнула вторая.

Голос ее оказался сух и резок. Старшая остановила ее жестом.

– Ничто на свете не происходит помимо воли Богини.

– И все возможно по воле Ее, – привычно закончила я.

Три лица в масках повернулись друг к другу

– Ты – жрица?

Не знаю, какая из их спросила об этом.

– Нет. Я – женщина меча, Военный Вождь.

– Но ты говоришь на священном языке.

– Я проходила обучение в храме и называюсь Рассказчицей историй.

– Может быть, ты владеешь магией? – это подала голос младшая.

– Нет. Среди нас такие есть. Но я к ним не принадлежу.

– Однако они подчиняются тебе! Почему?

– По воле Боевого Совета.

– Мы не знаем таких обычаев. Они чужды нам, – проговорила средняя. – И все же ты служишь Богине.

– Ты сказала.

– Какая же ипостась руководит тобой?

– Дике Адрастея.

– Мы не знаем такого имени.

– Это значит «неотвратимая справедливость».

– Хорошее имя, – сказала старуха. И добавила: – Назови нам атрибуты Богини.

– Война, – сказала я. Затем продолжила: – Разум. Логика. Ремесла. Магия.

Три головы согласно кивнули.

– Мы знаем воплощение Богини, о которых ты говоришь. В Черной Земле его именуют Нейт. Они там даже считают, будто она живет в нашей стране. Но это неправда.

– Видимо, это будет правдой.

– Почему ты так решила? – резко спросила средняя. – Ты носишь на шее знак Луны, а говоришь, как солнцепоклонница.

– Потому что Солнце принадлежит Богине точно так же, как Луна. И тьма точно так же, как свет. Она – дочь огня и мать огня. Мы чаще всего называем Лунную Троицу, но и Трехликая – тоже только одно из облиций Тысячеликой. Ночь и день, смерть и рождение, Дева нашего полуострова и Великая Мать фригийцев, Алкиона – защитница моряков и Ардвисура Анахита жителей равнин – все они лишь тени Единой. Почему бы той, которой поклоняются в Черной Земле, не ужиться с той, кому посвящен ваш храм?

– Ты слишком красноречива для женщины меча, – сказала старшая.

– Но я ведь еще и Рассказчица историй, ты забыла?

Очевидно, у них в храме и не существовало такого понятия, но она могла бы догадаться, что это звание, близкое к жреческому. И это приближает меня к ним, и, следовательно, должно повлиять на их отношение ко мне.

– Прежде, чем рассуждать подобным образом, тебе следует узнать о нашей Богине, – сказала старшая горгона.

– Для этого я сюда и явилась.

– Тайны Богини будут тебе открыты. Но сначала тебе следует поклониться ее алтарю и оставить там свое оружие.

– Военный Вождь не расстанется с оружием.

– На время! Неужели мирская власть тебе так дорога, что ты не в силах понять, что с мечом в святилище не входят?

В наше святилище входят только с мечом... Но это другое святилище. Скрепя сердце, я кивнула в ответ.

Горгоны повернулись и заскользили между колонн, бесшумно двигаясь по темным плитам.

По мере того, как мы продвигались вглубь, мне начали слышаться глухие удары. Кто-то невидимый бил в барабан. И ритм ударов казался очень странным. Несколько позже я поняла, что он воспроизводит звук человеческого сердца.

Стало чуть светлее, и я заметила, что это тлеют угли в широких глиняных чашах. Дым, поднимавшийся от них, был не совсем чистым... Меня учили распознавать курения, хотя я не знахарка и не могла точно назвать входящие в состав травы, но определила, что при усилении воли здесь возможно сохранить ясность мысли.

Потом я увидела Богиню.

Она была древней, пришедшей из тех времен, когда люди едва научились обрабатывать камень, и не отделялась от стены, из которой выступала. Фигура женщины, сочетавшейся со змеем. Древнейшее воплощение Богини, как символа Творения, власти и силы. Но другого символа, столь же почитаемого звезды с восемью лучами, звезды утренней и звезды вечерней, войны и любви, девственности и материнства – я не увидела над ее головой.

Может быть, этот символ не столь древен, как мне представлялось. Но было в этой статуе обнаженной женщины, чье тело оплетал змей, нечто вызывающее почтение – величие... Мощь...

Пока я смотрела на Богиню, зазвучала музыка. Я знала этот тон по храму Гекаты... По ту сторону Океана. Барабан и костяная флейта... Они меня что, совсем за невежду держат? У нас с детства учат, как подавлять и подчинять волю с помощью музыки и барабанного боя, и, когда Гекаба в Трое показывала мне свое умение, цели у нее, вероятно, были непростые... Только со мной это не проходит. Потому что я глуха к любой музыке. Утонченные лады, собачий лай, грохот прибоя – для меня все едино. Просто шум.

Глядя на Богиню, Я отстегнула перевязь и положила меч на жертвенник со словами:

– Царица над царицами, госпожа над господами, создавшая небо и землю, сохрани оружие своей служанки до ее возвращения.

И после этого позволила себе обернуться. Жрицы сняли маски.

– Мормо, – сказала старшая.

– Горго, – сказала средняя.

– Алфито, – сказала младшая.

Это были их имена. Внешние, конечно.

Я внимательно разглядывала их. Они оказались не чернокожими, как обычно представляешь себе жителей Земли Жары, а принадлежали к народу, похожему на фригийцев, но были бледнее, потому что лица их редко соприкасались с солнечными лучами. Вдобавок черты их казались словно смазанными из-за ношения масок.

Мормо, старшая, смотрела на меня пристальнее других из-под морщинистых век. Она была почти лысой и походила на странную белую черепаху. У Горго глаза на одутловатом лице чернели, как маслины, и будто скрывались под такой же маслянистой пленкой. Младшая стояла, надменно вскинув голову, и в этом я уловила неуверенность.

– Ты говорила, что не владеешь магией, – сказала Мормо.

– Повторишь ли это перед лицом Богини?

– Не владею.

– Но ты умеешь останавливать кровь и затягивать раны?

Она была, несомненно, умнее Хепри, и поняла, почему на мне нет шрамов.

– Мы все более-менее это умеем.

– И не считаете это магией?

– Возможно, вы понимаете магию шире, чем мы.

– У тебя есть личный Дар?

– Очевидно, память. Вернее, запоминание историй прошлого для будущего.

– Нет прошлого, нет будущего, – хрипло произнесла Горго. – Есть вечно длящееся «сейчас».

Я положила руку на лунный образ и произнесла клятву, которую не нарушала и не собираюсь нарушать впредь.

Из того, что я поклялась молчать о мистериях и обрядах храма, не следует, что я ничего не скажу о его жрицах. Их было много, около полусотни. Будет ли правильным отметить, что я наблюдала за ними столько же, сколько и за самими обрядами? Верно, но этим я и ограничусь.

Я вернулась после первого круга обрядов, продолжавшихся, вероятно, двое суток. Вероятно, а не точно, потому что мы не покидали храма, переходя из одного помещения в другое. Подземелья ветвились как вширь, так и вглубь. И все это время я не видела смены дня и ночи. Это входило в замысел жриц.

– Ведь в материнском лоне всегда темно, так сказала мне Горго.

– Да, но каждый младенец должен выйти из лона матери, – отвечала я.

– Никто не рождается и никто не умирает, – твердила она.

– Так гласит заповедь Пути. Но мне кажется, что мы движемся не по тому Пути в противоположные стороны.

Мы уже выбрались с нижних ярусов (или сотов?) подземелий и находились в одном из залов справа от главного зала со статуей, среди колонн и высоких глиняных горшков.

– Нет такого понятия «Путь».

Есть. Ты и твои сестры указываете одно его направление – вниз, вглубь. Но есть и дорога ввысь. Они не противоречат друг другу. Гора – это лишь вывернутая наизнанку пещера.

Ее бледное лицо кривилось.

– Если твой меч хотя бы наполовину столь же быстр, как твой язык, я по праву признаю тебя великой воительницей.

– Не великой. Просто знающей свое дело.

– Именно поэтому тебя и принимают здесь. Мы не слепые. Мы не только держим осведомителей по побережью. Мы, не выходя отсюда, пускаем в путешествие свой блуждающий дух. И мы знаем, что Змеиное Болото – последний оплот истинной веры. Общины, где еще почитают Богиню, ныне отравлены и осквернены.

– Таких много.

– Таковы все! И твоя тоже. Но ты еще можешь исправиться, если будешь служить Богине.

– Я всю жизнь служу Ей.

Недостаточно. Нужно превратиться в оружие Ее суда. И только так вершить свой суд над иноверцами, которые подавляют и оскверняют мир Богини. Они говорят о своих богах... Богах! – словно плюнула Горго. – Как будто божественное начало может принимать мужской облик! Неспособные понять, что лишь женское начало непобедимо, они довольствуются тем, что принижают его, либо делают вид, будто его вообще не существует. Но только женщины имеют сами в себе все нужное для жизни и смерти, не нуждаясь ни в чем. Только в них есть неистовство Богини, способное карать, не смиряясь, не рассуждая...

До последнего слова мне нечего было возразить, и я помалкивала, но тут встрепенулась и прервала ее.

– Не рассуждая? Не вижу, почему служение Богине должно быть нерассуждающим.

– Это и есть твой порок. Ты слишком сосредоточена на себе. И нужно забыть себя и отдаться во власть Богини.

– Ты думаешь, Богине нужны забывшие себя?

– Забыть! Забыть все, кроме нее! Нужно, чтобы тебя захватила ее сила, и тогда ее сила будет твоей. И слабые будут захвачены так или иначе. Но сильные должны желать быть захваченными!

Зрачки ее пульсировали, как у кошки, голос то шипел, то поднимался до визга. Все это отнюдь не походило на священную болезнь, как можно было предположить. Она просто соскальзывала в ритуальное безумие, в область духов бездны...

Я еще не успела сообразить, что мне надо предпринять, как из-за колонны тяжелой походкой выступила Мормо. Глядя на Горго, она протянула руку ладонью вперед, словно ловя ее взгляд. Горго точно окаменела. Старуха взялась за маску Горго, висевшую у нее на груди, и натянула ей на лицо.

– Ступай во внутренние покои, сестра, – произнесла Мормо.

Горго тотчас повернулась и двинулась во тьму.

– Нельзя осуждать за излишнее рвение, – сказала Мормо, устремляя взгляд вслед ей, но обращаясь ко мне. – А ты осуждаешь.

Я хотела сказать, что стараюсь никого и ничего здесь не осуждать, однако промолчала.

Старуха повернулась ко мне, прислонившись к колонне. Я осмотрелась и оперлась локтем на край ближайшего горшка. Он выглядел достаточно устойчивым.

– Мы должны договориться с тобой, Мирина. – В первый раз она назвала меня по имени без всяких «служанок Богини» и тому подобных оборотов. – И поэтому я объясню тебе, в чем твоя ошибка. Не так, как делала это Горго. Она захвачена, а ты нет. Судя по всему, ты не подвержена никаким видам внушения.

– Не превращаюсь в камень от взгляда горгоны?

– Так называют это непосвященные. На самом деле подобному «взгляду горгоны» не так уж трудно научиться. Но мы тщательно храним это умение в тайне, ведь до недавнего времени это было едва ли не единственное оружие нашей защиты. Теперь может появиться другое.

– Я и мой меч.

– Ты и твой меч. Нам, разумеется, известно о событиях на Керне. Солнцеклонники получили хороший урок. Но недостаточно сильный. Ты, вероятно, сама это чувствуешь, раз пришла к нам. Тебе не по душе наши ритуалы... Но это единственный способ поддержать правильный порядок. А ты, низвергнув царя солнцеклонников, сохраняешь порядки, введенные им. Все это: торговля, ремесла, мореплавание, – чем присные Богини не должны заниматься и во что не должны входить.

Я собиралась сказать, что царь Керне как раз не занимался и не входил в вышеуказанные порядки, и мне пришлось их восстанавливать, однако снова промолчала.

– Еще раз повторю тебе то, что ты уже слышала – в лоне Богини время остановилось. А ты хочешь заставить время двигаться. Если бы ты понимала, к чему это приведет!

Это были уже не прежние камлания и радения. Эта женщина, правившая в храме, где учили не рассуждать, рассуждать умела, что меня заинтересовало.

– К чему же?

– Все ценности, ради которых мы живем, ради которых служим, рухнут. Власть Богини, которая не может исчезнуть совсем, приобретет непередаваемо уродливый, жалкий вид...

Это было не то, что я ожидала услышать. Вместо логики – опять риторика.

Приготовившись выслушать длинную и скучную фразу, я перебросила руку через край горшка и случайно коснулась рукой его содержимого. И замерла. Поворошила то, что оказалось под рукой. Нет, я не ошиблась. Горшок был полон костей. Что, в общем-то, не могло меня потрясти. Я же видела их ожерелья и пояса. Но какие это были кости... Маленькие, тонкие, хрупкие, словно птичьи...

– Не слушая речей Мормо, я нагнулась и принялась обеими руками разгребать груды костей. Потом бросилась к другому горшку. К третьему... Везде оказалось то же самое. И ты уверяешь меня, что Богиня требует крови детей?

– И этого тоже. – Голос Мормо был тверд. – Разве у вас не так?

Сознание мое отчаянно работало. Да, про пас всегда говорили, будто мы убиваем своих детей. Но при том море лжи, которое нас всегда окружало, я не обращала внимания на эти слухи... И на их истоки...

Множество горшков, забитых костями младенцев... Жертвоприношения совершались сотни лет. И вряд ли убивали только тех, кого приносили сюда паломники. У Мормо и Торга – тела многократно рожавших женщин. А, исходя из того, что я видела...

– Вы убиваете всех своих детей?

– Нет, – так же спокойно отвечала она.

– Только мальчиков, и еще – рожденных в несчастливые дни.

Я повернулась к ней. На ладони у меня лежал череп младенца.

– Я сокрушила атлантов и уничтожила их царя лишь за то, что они приносили кровавые жертвы. Но они, по крайности, убивали взрослых!

Впервые ее самоуверенность дала трещину.

– И это говоришь мне ты, собственноручно убившая, вероятно, больше людей, чем было заклано на алтаре Богини?!

Да. Только я никого, как ты выражаешься, не заклала. У моих противников всегда было оружие и возможность обороняться! А ты называешь властью... Властью над этим... – детский череп соскользнул с моей ладони об ратно в горшок. – И этим собираешься вербовать меня в союзницы?

– Ты ничего не понимаешь в природе власти – в природе силы тьмы и крови, что создают ее. Ты поняла бы, если бы не струсилась и не отступила после первого круга обрядов, ограничившись ролью зрительницы, но не участницы. Ты боишься, что Богиня заберет власть и над тобой, и над твоей тщательно лелеемой волей.

– Разговоры... Я действительно наблюдала. Но не за обрядами, а за вами. Видела я подобное и раньше, можно было дальше Фракии не ходить. И услышь я такие речи от Горго, я бы поняла – она в самом деле верит в то, что говорит. Но ты просто пользуешься ритуалом, чтобы разогреть свою остывшую кровь!

– Твою рыбью кровь вообще разогреть невозможно, – прошипела она. – Ты – не женщина.

Это уже было ново. Ахейцы и атланты вкладывали оскорбление именно в слово «женщина». Здесь же меня оскорбляли прямо противоположным образом. Но, пожалуй, не стоило больше тратить время.

– Я забираю свой меч с алтаря, – сообщила я.

– Что это значит?

– Мы не договоримся, Мормо. Во всяком случае, так, как ты этого хочешь. Это – не Путь. Это тупик.

– Что ж, иди, забирай свой меч с алтаря. Не станешь же ты требовать, чтобы я его тебе принесла?

А стоило бы потребовать! Но я была здесь пришельцей, к тому же незваной. Я молча двинулась в ту сторону, где, по моему разумению, находился зал со статуей.

На сей раз огни не горели. Фигура Богини со змеем смутно угадывалась у стены, и ясно различалась лишь полоска бронзы на камне – мой акинак.

Но я не прошла и полпути к нему, когда услышала возглас Мормо, полный торжества:

– Ты не любишь кровавых жертв – так пусть Богиня получит бескровную жертву!

Каменная плита повернулась у меня под ногами, и я полетела вниз.

На долю мгновения, я, кажется, лишилась сознания – чего вообще со мной не бывало никогда. Но длилось это не дольше времени падения. Потому что, падая, осознала – не разбилась! А потом уж – почему я не разбилась...

Я лежала в темноте, и мне не нужно было света, чтобы понять.

Этот скользкий холодный шевелящийся покров, это шипение, эта вонь...

Меня бросили в подземелье, полное змей. Они ползали по мне, я чувствовала, как раздвоенные языки быстро пробегают по моему лицу и рукам.

По плану горгон змеи начнут меня жалить... И смерть не заставит себя ждать. Поэтому Мормо – и кто там еще с ней – даже не соизволили вновь отодвинуть плиту и убедиться в моей гибели.

О, Богиня! Я всегда обходила самые ловкие хитросплетения противника, самые коварные уловки и всегда попадала в самые простые ловушки. Ловушки для дураков. Я была душой. И поэтому не чувствовала страха. Только злость.

И пока я лежала во мраке, и змеи ползали по мне, внезапно пришло самое раннее воспоминание детства... До Темискиры...

Вот так я лежу в овраге... В змеином овраге... И змеи не жалят меня... И оттого, что это уже было в моей жизни, я едва не рассмеялась. Играя, я свалилась в яму со змеями. А потом меня отвезли в Темискиру.

Змея на вратах Темискиры.

Змея на моем щите.

Мой флагманский корабль.

– У тебя есть Дар, – сказала Кассандра, – однако я не могу определить, какой.

Долгое время я не делала ничего, кроме того, что обязаны делать Рассказчица историй и Военный Вождь. Но Дар у меня был.

Единым усилием я поднялась на ноги. Змеи расползлись в стороны и, как живой поток, обтекли мои сапоги. Я была уверена, что выйду отсюда. Пусть мне неизвестен точный план подземелий, должна же быть дыра или щель, через., которую змеи выбирают в ров! А где пролезет змея, пролезу и я.

Теперь, когда я твердо держалась на ногах, мне показалось, что сквозь мускусную вонь я улавливаю движение воздуха. И Двинулась в этом направлении.

Во мраке среди шуршания и шипения я утратила четкое представление о времени и пространстве, была лишь четкая уверенность и правильности своих действий. Так я привела корабль к берегу Самофракии.

Странно, говорю я себе сейчас, почему меня не смущало, что окружали меня вместо преданных бойцов скользкие холодные твари? А, может быть...

Впереди забрезжил свет, и я ускорила шаги. В стене виднелось круглое отверстие. На краю его я прищурилась. Ведь все эти дни я не видела солнца и не знала, что там, снаружи – день или ночь.

Оказалось, день. И какой еще день! Палило, как в печи. Здешние проводили свою жизнь во мраке, и солнечные лучи показались бы им мечами, распарывающими спасительное материнское лоно...

Не могу описать, хотя не исключаю, что многим это чувство и просто зрелище показалось бы отвратительным. Правда, зрителей у меня не нашлось. Никто, видимо, не заглядывал в змеиный ров без особой на то надобности. А ведь надобность должна была случаться. Змей требовалось кормить-поить, и – я опять начала считать – в немалых количествах. Их ведь здесь набилось столько... Я не ощущала под телами змей илистого дна рва. И не верилось мне, что корм им бросают сверху. А мне надо было выбираться отсюда. Не стоять же и орать: «Эй, я здесь!» Лианы и ветви деревьев кое-где довольно низко свешивались над рвом, но я не надеялась до них дотянуться.

А вот до чего дотянуться я могла... Сверху, в стене рва были прорезаны широкие покатые ступени. Разумеется, до дна они не доходили, кончаясь чуть выше человеческого роста. Там же имелись дощатые мостки, по которым, очевидно, спускали вниз корзины с кормом. Сейчас эти мостки были подняты и закреплены стоймя.

Подпрыгнув, я ухватила за них и подтянулась до ступенек. Но этого мне было недостаточно. Совсем недостаточно. Я высвободила засовы, спустила мостки вниз, и, сидя на нижней ступеньке, стала ждать, пока змеи поползут за мной.

И они поползли. Но они слишком медленно ползут вверх по наклонной плоскости, а меня переполняло нетерпение. Свесившись вниз, я брала их и укладывала на покатые края ограждения лестницы, на мостки, на ступени. Они окружали меня, и, вспомнив детство, я наворачивала их себе на шею, на руки, обертывала вокруг пояса. Одна змея взобралась мне на голову и свилась там кольцом.

И по–прежнему змеи не жалили меня, хотя, похоже, попробовали на зуб кожу моей рубахи, потому что кое-где я замечала на ней пятна яда, и мельком подумала – сколько еще рубах загублю я своими выходками? И тогда, одетая в живой панцирь, шевелящийся, черный

и золотой, я, в жизни ничего роскошнее кожаной рубахи не носившая, стала подниматься по лестнице.

Очевидно, меня заметили не раньше, чем я подошла вплотную к храму. Жуткий нечеловеческий вой разнесся по окрестностям. До сих пор не знаю, кто визжал – охранники или кто-то из младших жриц. Меня это не волновало. Я шла к храму. Змеи, которые сумели преодолеть подъем, ползли за мной.

Я не хотела злорадствовать, хотя меня переполняло веселье. Я собиралась взять мой меч. Пусть это не священное оружие, как топор Темискиры. Топор этот царский, а я царицей не была. А меч мой, и я его любила.

Из храма выбежала жрица, выбежала – и замедлила шаги, волоча ноги. Хотя она была в маске, я узнала в ней Алфито.

– Не бойся, сестра! – услышала я голос Мормо. – Это не Богиня! Это демон из бездны, играющий трупом девки-варварки. Посмотри на нее взглядом Богини, и это снова станет тем, чем было – трупом, обвитым змеями!

– Да, посмотри на меня, Алфито, – подхватила я. – Только лучше сними маску. Ведь змеи на ней поддельные, а эти, – я протянула к ней руки, на которых шевелились змеи, – настоящие!

Она отшатнулась и закрыла руками прорези в маске. Сдавленно простонала:

– Я не в силах смотреть на тебя... Через твои глаза глядит Она...

Я прошла мимо. У входа метнулись еще какие-то фигуры, теряя маски и посохи. Если бы они не разбежались, я бы сорвала с пояса змею и отхлестала их, хоть и без удовольствия. Но они разбежались. Осталась одна Мормо.

– Она стояла, тяжело опираясь на посох. Маска на лице – чтобы Солнце не видало. Ты не Богиня, – услышала я шепот.

– Но вы все обязаны мне повиноваться. Если я демон, вы должны мне подчиняться, потому что я демон. Если я не демон, вы обязаны мне подчиняться вдвойне, потому что я все равно сильнее вас!

– Нет! – слабо воскликнула она.

Змея, свернувшаяся на моей голове, подняла собственную голову и зашипела. Она смотрела на Мормо. Я смотрела на Мормо. Две пары глаз.

И старуха сделала шаг назад.

– А теперь принеси мне мой меч! – приказала я.

Она заковыляла в храм. Будь я на ее месте, то сообразила бы за это время собрать свои силы из тех, кто у нее там остался, кликнуть охранников... Я все же была одна и безоружна. Но она послушно принесла меч (а если бы сделала это сразу, не пришлось бы унижаться). Передавая мне меч, она потеряла равновесие – так тянула руку, чтобы не приближаться – выронила посох и тяжело рухнула на землю...

– На этот раз посох не превратится в змею, верно? Змей здесь вокруг и без того полно, – сказала я, привычно сжимая рукоять.

Мормо всхлипнула и приподняла дрожащие руки, чтобы защитить голову от удара.

– Не бойся. Я не убиваю жриц Богини в ее храме, пусть даже Богиня и оставила его.

Повернулась и пошла прочь. Змеи тихо соскальзывали с моего тела по мере удаления от храма. По-моему, им не нравился меч в моей руке. Ну что ж, они хорошо послужили мне сегодня и имели право поступать, как им заблагорассудится.

Среди кустов послышался треск – похоже, наконец, засуетилась охрана. По крайней мере, одно из этих существ обладало достаточной храбростью, чтобы напасть на меня, пусть даже со спины. Другие и на это не осмелились.

Я притворилась, будто не слышу его топота, хотя он и мертвого бы разбудил. Напротив, показным движением забросила меч в ножны. И только когда он подбежал вплотную, пере-

хватила его развернутую в замахе руку – такое было чувство, будто суешь ладонь в квашню с тестом – сломала ее и отобрала топор.)го произошло у самого моста.

Перейдя на ту сторону, трофейным топором я обрубил канаты, державшие мост, и вместе с мостом отправила в ров.

Разумеется, восстановить сооружение такого рода не составит особого труда, однако потребует времени, а ничего, напоминавшего лук и стрелы я здесь не заметила. Поэтому, просчитав, что если и вышлют за мной погоню, она запоздает надолго, я могла особенно не торопиться на обратном пути. Другое дело, что у них наверняка есть связь с племенами – вот чего следовало опасаться, не сейчас, так вскоре...

Так я снова оказалась в лесу, который сразу пришелся мне не по нраву, и теперь я знала, почему. Непонятно все мысли и сравнения, приходившие мне в голову, были о смерти, гниении, гнили. И сам лес я назвала мертвым, несмотря на внешнее буйство цветов и плодов. Напрасно я тогда уговаривала себя, что здесь земля Богини, и не мне судить это место. Здесь ощущался знак, что Богиня, некогда обитавшая в этих краях, оставила их. А то, что мне пытались выдать за ее присутствие – это принаряженные останки. Маска со змеями вместо живой змеи.

Когда я добралась до водоема, у которого отдыхала в прошлый раз, стемнело. А я была порядком измотана и решила вновь переночевать здесь.

Опустившись на землю, я прислонилась спиной к дереву – что оно могло мне сделать теперь? – и обнаружила, что не все змеи меня покинули. Обруч на моей шее – я его носила всегда – обвила тонкая золотая змейка. И это тоже стало знаменем. На обруче был прикреплен знак Новой Луны – тонкий серп. А змея, как учат нас в храмах, также означает Новую Луну – то воплощение Богини, которой служу я.

Осторожно отцепив змею от обруча, я сказала: «Гуляй, сестра», и опустила ее на землю. Она заскользила к водоему – тонкая золотая полоса среди черной травы.

Если угодно, знамения можно разглядеть во всем. Но ведь я не предсказательница.

Не знаю, что я почувствовала сначала, проснувшись – лучи солнца на запрокинутом лице, либо телом – отзвук копыт, отдающийся по мягкой земле. Я напряглась, но, послушав немного, вновь, по-прежнему опираясь оствол, свободно откинулась, забросив руки за голову.

Я уже видела их тени, отразившиеся в водоеме – трое всадников, одна лошадь запасная. Кирена, Ихти и Митилена.

– Привет Военному Вождю! – провозгласила Кирена.

Очень она мне нравилась в это мгновение – сидит верхом, как пастушка на корове, ухмылка от уха до уха, волосы торчат... Это нам не маска с поддельными змеями, это маскировка, достойная восхищения.

Я сделала приветственный жест, не вставая с земли.

– Нас прислала Хтония, – сказал Ихти, единственный, кто, кажется, чувствовал потребность объяснить свое появление.

Я была несколько удивлена, увидев его верхом – атланты, как уже было помянуто, ездили в колесницах. Мальчик быстро учился. Еще раньше я заметила, что он перестал брить голову, и сейчас из-под головной повязки выглядывала белобрысая, с уклоном в рыжину, щетина. Того и гляди, бороду решится запустить...

Митилена не говорила ничего.

– А вид у тебя, Военный Вождь, – заметила Кирена, оглядывая меня, – прости меня Богиня, будто тебя малость пожевали и выплюнули.

– Не без этого, Кирена, – сказала я, вставая.

Митилена молча протянула мне флягу, и тут я вспомнила, что моя собственная давно пуста, и Богиня знает, сколько времени прошло с тех пор, как я в последний раз ела, как следует.

Я отпила из фляги. Это оказалось кернийское пиво. На пустой желудок я предпочла бы выпить воды, но привередничать было ни к чему – и вскочила на коня.

– Едем.

– Куда?

Это было первое слово, произнесенное Митиленой.

– А вы сейчас откуда?

– Из нашей крепости, – ответила Кирена.

Она имела в виду Элле, первую из захваченных нами крепостей. Крепость Аглибола, крепость Ихи. Последнего, кажется, это не смущало.

– Так едем в нашу крепость. И держите ухо востро. По пути, возможно, придется драться.

– Ясно, – по лицу Кирены разлилась блаженнейшая из ее улыбок. – Наконец-то война!

А какой еще она могла сделать вывод? И ведь правильный вывод – войны так или иначе не избежать.

– Да, война, конечно. Но все будет не так, как ты думаешь. У меня есть один план...

Больше я ничего не сказала. Да и плана еще не было – так, проблески, наметки. И не время сейчас для разговоров.

Мы снялись с места и поскакали в крепость.

Там, ясное дело, нас уже ждали. Помимо Кианы и Никты, оставленных мною здесь вовремя похода на Керне, сюда подъехала Аэлло, которую я послала наводить порядок на побережье. В бухте, кроме «Крылатой», на которой, по моему разумению, прибыли Кирена, Ихи и Митилена, стояла еще «Змея», успевшая сделать ходку на Керне. Следовательно, должны заявиться Нерет и Келей. И, разумеется, вылетела Мегакло, провозглашая, что без нее я, несомненно, отошла до костей и запаршивела от грязи.

Но я поела, умылась и переоделась не прежде, чем переговорила с Кианой, Никтой и Аэлло о возможности нападения береговых племен, и предупредительных мерах, которые следовало принять. Я была уверена, что Горгоны так или иначе проследят за нами и попытаются нанести удар именно по той крепости, где находилась я.

Не могу сказать, чтобы мои воительницы были этим огорчены. Главные события до сих пор проходили в стороне от них, и они хотели действовать.

Едва я умылась и перекусила, как пришли мореплаватели. Нерет, как я и предполагала, прибыл от Хтонию выяснить, где я и что я (подозревала я, кому пришла мысль это проверить, но промолчала), а Келей догнал его со срочным сообщением от Сокара. Торговый караван на Крит был снаряжен, однако этого явно недостаточно. Громко Сокар ничего не высказывал, но в его устном послании звучала мольба о военном корабле, как для охраны, так и для представительства. И это при том, что наша военная флотилия только строилась, а корабли атлантов – это уж Келей добавил от себя – из-за ветхости доверия не внушали.

Во время этого доклада все вышеперечисленные личности собрались, как обычно, в старой комендантской комнате (ее прежде занимала я) с таким видом, будто я тут же должна разрешить все трудности.

– Ладно. Сначала с кормчими. Вам придется сейчас отправляться на остров. Ихи – тоже. Диокл на «Гриф» будет сопровождать торговцев на Крит. Я снимаю с «Грифа» всех амазонок. Пойдут лишь самофракийцы и те атланты, которых выберет Сокар. Келей, привезешь сюда Хтонию и всех остальных из Военного Совета. Гарнизон оставить минимальный – по усмотрению Хтонию.

– А кто же будет править островом? – вскинулся Ихи.

– Вы с Ихет. Я даю вам для этого достаточно полномочий. Или вам, атлантам, обязательно нужны иноземные наместники?

– Это большая честь. – Он был взволнован – даже пот выступил на лбу – но и обрадован тоже.

Кроме того, мне здесь нужны Менипп и его команда. Вообще-то, работа найдется для всех – это я тебе говорю, Мегакло... У тебя будет занятие в пору Керне, Нерет. Ты выберешь там с пяток корыт покрепче, из тех, что Сокар не погонит на Крит, и поведешь их сюда. Не будем трогать строящуюся на острове флотилию, но здесь нам тоже нужны корабли. И в первую очередь мы будем укреплять здешнюю бухту.

– Да, здесь может быть отличный порт, – поддержал меня Нерет.

– Ихи! Среди атлантских военных хоть кто-нибудь должен знать язык племен побережья. Найди такого человека, лучше – нескольких, и присылай сюда. Для вас – все. Собирайтесь в путь.

– А я что буду делать? – поинтересовалась Кирена. – Вернусь в арсенал?

– Нет. Останешься здесь. Разве ты не выиграла эту землю в чет-нечет?

Она ухмыльнулась.

– И мы назовем эту страну моим именем?

– Почему нет? Для начала хотя бы порт, который мы тут построим.

– Порт Кирены, – заметил Нерет. – А что? Со временем забудут про Керне и будут считать его название искажением твоего имени.

Они ушли, а мы еще немного посоветовались. Решили, что Аэлло и Никта после возвращения разведчиков пойдут в рейд. Если мои расчеты неверны, и горгоны решат ударить по другим крепостям, туда воинские силы можно будет переправить морем. Все были согласны со мной. Но Митилена по-прежнему помалкивала.

Потом я отправилась в бухту проводить корабли. Ко мне подошел Келей.

– Я все-таки не очень тебя понимаю. Зачем ты отправляешь оба корабля? При всех поручениях, которые ты на нас навалила, достало одного. Ведь грядут военные события, я прав?

– Да, но на суше. И здесь понадобятся люди. И у вас с Неретом будут важные задачи. Он будет крейсировать вдоль побережья, а ты – если это не оскорбляет твоей гордости – болтаться, как челнок, до Керне и обратно.

– Не оскорбляет. Меня заразило твое любопытство. А Диокла ты отправляешь на Крит, чтобы не дать ему повода показать корму во время сражения?

– Если ты понял, зачем объяснять словами?

– Ясно, Военный Вождь. Постараюсь вернуться как можно скорее. Не знаю, что ты затеваешь, но хочу в этом участвовать. Потому что уверен – это будет не скучно.

Я – то как раз не была в этом уверена. Скорее, наоборот. Любопытно, однако, как быстро осуждение моих действий сменилось у Келея одобрением. Это потому, что для него война, торговля, строительство и мои одинокие хождения по храмам – явления разного порядка. Ну, пусть...

Я поднялась на стену, чтобы посмотреть, как уходят корабли. Мне всегда нравилось это зрелище – корабли под парусами. Хотя еще лучше стоять на палубе такого корабля.

Но пока было не время. В моем сознании выстраивался план, порожденный, вероятно, моими же словами о том, что гора – это вывернутая наизнанку пещера. Или в данном случае – змеинный ров и пирамида. Две разорванные части одного целого. Может быть, я сумею объединить их... Во всяком случае, я чувствовала в себе для этого достаточно силы.

А потом – вернуться в Темискиру. Возможно, не сразу, думала я, глядя на паруса вдали. Когда у меня будет флот – а он у меня будет – я отправлюсь в плавание к Столпам Богини,

чтобы узнать, таковы ли они на самом деле, как о них говорят, и вправду ли это граница мира живых.

Но сначала я должна послужить Дике Адрастее. Здесь, на этой земле. Недаром в Черной Земле уверены, что она здесь обитает. Ее называют Нейт. Что-то я слышала в Трое об этом воплощении Богини, которую там считают ипостасью своей Девы. Ее прозвище – «Открывательница Путьей». Хорошее прозвище. Но «Неотвратимая справедливость» – лучше.

Наутро вернулись разведчики с Герионом. Они сообщили, что на востоке наблюдается отряд всадников числом до полусотни, продвигающийся в нашу сторону. На других направлениях ничего не замечено.

– И что? – спросила Кирена. – С полусотней всадников – на крепость? Они же не сумасшедшие! Я вспомнила, что слышала о племенах побережья – безумно смелые, не признающие правильных военных действий, их излюбленная тактика – набег и отступление. И еще – они подчиняются горгонам.

– Очевидно, они рассчитывают на неожиданность. Или на подкрепление. Или им приказали напасть. А может, это мирные пастухи выехали прогуляться... Короче, гаданием мы ничего не узнаем.

Никта и Киана переглянулись. Затем Клана произнесла:

– Прошу разрешения Военного Вождя.

– Разрешаю. – А как я могла отказать? Им здесь и без того обидно, что они пребывают в бездействии, а все сражения достаются другим. – Но направитесь под видом охотничьего отряда. С собаками.

Никта посмотрела на меня с недоумением.

– Мы не должны упускать вероятности, что у них мирные намерения. Вот если они нападут на вас... Но не убивайте всех. Нужны пленные. Немного. Предпочтительно предводитель. Если побегут – не преследовать.

– Что ж, так даже веселее, – заметила Киана.

Они собрались, как всегда, молниеносно. Я не сопровождала их. Этого пока не требовалось, да и не пришло еще время мне вступать в игру.

С Кианой, Киреной и Никтой отправились только амазонки. Защищать крепость, в случае не предусмотренного разведкой нападения, должны были самофракийцы, и я обошла посты.

Никто не бездельничал, возможно, из-за моего присутствия. Но я не склонна видеть в последнем обстоятельстве какой-то порок. Свободные от караула занимались на плацу, и я решила присоединиться к ним, вспомнив, что уже довольно много времени – с самого похода на Керне – забросила упражнения в фехтовании. Практическое применение оружия – не в счет.

Не успела я вынуть меч из ножен, как появилась Митилена, и спросила разрешения пофехтовать со мной. Ясно было, что это только предлог. У нее, несомненно, нехорошо. На душе, недаром она вчера весь день молчала. Тем не менее, я не видела смысла ей отказывать. Всегда полезно иметь противника, даже в учебном бою.

Едва мы отсалютовали друг другу, она спросила:

– Горгоны оказались не такими, как ты ожидала?

Это не дело – разговаривать во время поединка, можно сбить дыхание, особенно если нет достаточного опыта.

Но я ответила, парируя удар:

– Не совсем.

– Они приняли тебя враждебно?

– Они меня приняли, а после бросили в змеиную яму.

И больше не дала ей возможности говорить, потому что, если бы она промедлила отбить мой выпад, это бы ей дорого стоило. Я крепко погоняла ее по двору, однако она отвечала мне достойно.

Несомненно, Митилена делала значительные успехи в боевом искусстве, а ведь еще год назад она не знала, за какой конец держать меч. Для удобства она приспустила рубаху до пояса, и я впервые обратила внимание, сколько у нее на теле шрамов – вероятно потому, что мне дважды тыкали в глаза, что у меня их нет. И ее шрамы были получены не в бою и не от меча. Я напомнила себе, что должна учитывать это, общаясь с Митиленой.

Хотя я порядком теснила ее, она ни разу не расслабилась, не поддалась ни на одно обманное движение или выпад, упорно, твердо и разнообразно отражая мои атаки. За это я первой предложила ей сделать передышку. Это требовалось ей, а не мне, но пусть она сохранит лицо.

– Ты будешь им мстить? – спросила она, едва отдышавшись.

– Кому?

– Горгонам. – Она явно удивилась моей забывчивости.

– А-а! Нет, я им уже отомстила.

– Но ты же будешь с ними воевать!

– Разумеется, буду, но по другой причине. Иначе бы я просто вызвала сюда гарнизон с Керне и уничтожила это Змеиное Болото, а не затевала столько дел сразу.

– Ну, да – это строительство порта, флот, все опять бегает, высунув языки... Их вон рванул на остров к своей сестрице-супруге... Ты что, не знала, что они поженились?

– Нет. Но, насколько я помню, у них такой обычай.

– По крайней мере, он мог бы поставить тебя в известность.

Мне не понравился тон, которым все это было доложено. Нехорошо это звучало, как-то отдавая мужскими сплетнями. Но я заставила себя проглотить это замечание, поглядев на ее шрамы.

– А ты их осуждаешь?

Нет, – задумчиво произнесла она. – Брак между кровными родственниками, пожалуй, единственный, с которым я могла бы смириться. Брат – это тот, кто больше всех мужчин похож на тебя, а, следовательно, меньше всех вызывает отвращение.

Все это было для меня слишком сложно.

– Ну, а мои взгляды на брак ты знаешь?

– «Можно, но не обязательно»?

– Да. Продолжим.

На сей раз она первой атаковала меня, даже не дав мне времени принять оборонительную позицию. Это уже нечто! Я ушла из-под удара, однако клинок свистнул возле самого моего уха.

Я уже пронаблюдала, какова Митилена в обороне, и готова была позволить навязать себе ее маневр, только для того, чтобы посмотреть, какова она в нападении. Но, как выяснилось, она этого не хотела, а хотела продолжить разговор.

– У тебя нет злобы против Змеиного Болота, и все же ты собираешься с ними воевать. Нет ли здесь противоречия? И нет ли насмешки судьбы? Ведь они почитают Богиню, и ты – тоже.

Ее клинок ударился о мой, и я, крутанув кистью, высвободила руку для нового удара и отступила на шаг.

– Видишь ли, в действиях горгон, которые могут напугать и отвратить тех, кто впервые с ними столкнется, есть своя правда. Они берут человеческое существо и делают из него другое, новое, воздействуя на его волю, ломая либо закрепляя ее. В сущности, это равно-

сильно рождению на свет, вот почему, вероятно, они так мало придают значения первому – естественному – рождению. Но я уже все это прошла, я рождена, обучена и отлита в форму.

– Но они могли этого не знать и поступить соответственно.

– Да. И все равно, я права, а они – нет.

– Почему?

Мы равномерно наносили и отбивали удары. В рубке дров и то больше Вдохновения. Но такое упражнение также имеет ценность, по крайней мере, укрепляет руку.

– Потому что горгоны и атланты замкнулись каждая в своей скорлупе. Одни – в поклонении тьме материнского лона, из которого не ищут выхода, другие – в своем солнцепоклонничестве, уродливом возвеличивании мужского начала. Заметь, что и у тех, и у других есть своя истина и свои достоинства, но, закоснев в себе, они превращаются в свою полную противоположность. Правильное становится неправильным, цветение – гниением. И...

– Ты хочешь разбить скорлупу?

– Можешь назвать это так. Но я назвала бы это воссоединением разделенного целого...

Да, именно так. Горгоны и атланты должны объединиться, только так им удастся вернуться на оставленный Путь.

Мы оказались в опасной близости друг от друга, когда рубить было почти невозможно – не оставалось места для замаха. Но Митилена продолжала наносить удар за ударом, как кузнец по наковальне, уже не заботясь о точности, а лишь проверяя, что способна вынести моя рука. Может быть, если бы на другой руке у меня был щит, она била бы по щиту. Я терпеливо сносила все это.

– И путь к объединению должна указать им ты?

– Путь к объединению должна указать им Богиня. Моя задача – привести их к Ней. Когда-то она обитала на Змеином Болоте. Но, как змеи сбрасывают кожу, так и она бросила свое старое облачение и ушла оттуда.

Митилена отступила назад. Мне показалось, что она устала, но нет, это был тактический маневр, чтобы сделать решительный выпад.

– Так где Она?

– Ищи Ее – и найдешь! Может быть, Она на лунном серпе? На гребне морской волны? На острие меча?

Некоторое время мы продолжали фехтовать молча. И, когда я думала, что диспут уже закончен, Митилена внезапно произнесла:

– Ты их унизила. Они тебе этого не простят.

– А разве прощение важно?

Ее лицо исказилось, словно она хлебнула отравы. И глаза, похожие на черные колодцы, смотрели в мои, почти бесцветные, как галька на морском берегу.

– Ты все еще не понимаешь, для чего нужно зло. Тебе все кажется, что оно существует, чтобы ставить перед собой задачи, которые тебе было бы любопытно решать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.